

V. Chekhov

ТАРО

ИСТОРИЯ ТАЙНЫ

Люди, легенды и символы
знаменитых карт

V.Chekhov V.Chekhov

Таро. История тайны

<https://litres.ru/74673699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто оставил женщине место среди пап, императоров и ангелов? Как придворная игра превратилась в язык тайны? И почему старые рисунки до сих пор кажутся обращёнными лично к нам?

«Таро. История тайны» ведёт от золотых колод итальянского Возрождения до мастерских художников и закрытых собраний оккультистов. На этой дороге встречаются загадочная Попесса, Калиостро и мадемуазель Ленорман, Элифас Леви и участники Золотой Зари, Памела Колман Смит, Фрида Харрис, Дали и Гала. Исторические свидетельства соседствуют с легендами, а за знакомыми картами проступают человеческие судьбы.

Спутницей читателя становится Тара — рассказчица, умеющая задержаться возле детали, с которой начинается новая история. Она оставляет место любопытству и удовольствию от встречи с необъяснимым.

Иллюстрированное издание дополнено путеводителем по Старшим Арканам, знакомством с Младшими Арканами, дневником совпадений и примечаниями с источниками.

Содержание

Пролог. Та, что остаётся между картами	4
Прежде чем перевернуть первую карту	10
Что у нас в руках	12
Откуда начинается дорога	14
Как мы пойдём	15
Глава 1. Золото Висконти	17
Дочь в договоре	20
Свои решения	22
Золото для игры	27
Неоконченная колода	33
Что осталось на столе	35
Глава 2. Женщина на карте Попессы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

V.Chekhov

Таро. История тайны

Пролог. Та, что остаётся между картами

В тот вечер я пытался выяснить, кому принадлежала одна старая колода.

На обороте фотографии было написано имя, но последние буквы стёрлись. Я увеличивал снимок, менял освещение экрана, сравнивал почерк с другими подписями. Несколько часов ушло на человека, о котором я в итоге узнал только одно: когда-то он держал эти карты в руках.

Я уже собирался закрыть фотографию, когда заметил промежуток между двумя картами.

Узкую полосу темноты.

В ней не было ничего необычного. И всё же взгляд возвращался именно туда — словно фотограф оставил в кадре место для чего-то, чего не сумел снять.

— Ты ищешь владельца, — услышал я. — А тебе интересно, о чём он спрашивал.

Так я впервые услышал Тару.

Тара. Начало разговора.

Впрочем, слово «услышал» здесь, возможно, слишком определённое. В комнате никто не говорил. Просто среди моих собственных мыслей появилась фраза, которую я не собирался произносить.

Я посмотрел на фотографию ещё раз.

Действительно: о чём он спрашивал?

Ждал ли письма? Собирался ли уехать? Надеялся ли, что человек, однажды закрывший за собой дверь, ещё вернётся?

Имя на обороте вдруг перестало быть единственным, что хотелось узнать.

В следующие дни я продолжал работать. Проверял даты, разыскивал портреты, сопоставлял воспоминания. История карт постепенно обрастала именами. За именами появлялись комнаты, дороги, лица.

Тара возникала редко.

Обычно — когда мне казалось, что с очередной историей всё ясно.

Я записывал год создания колоды, а она спрашивала, сколько лет было художнице. Я находил описание роскошного придворного праздника, а она задерживалась возле человека, которого на этот праздник не позвали. Однажды я долго рассматривал старый портрет, пытаясь понять выражение лица.

— Он позировал, — сказала Тара. — Не требуй от него

откровенности.

Это замечание мне понравилось.

Постепенно я привык оставлять для неё место в своих записях.

— Почему Тара? — спросил я однажды.

— Тебе ведь нужно как-то ко мне обращаться.

Тогда я решил, что большего объяснения пока достаточно.

Позже мне захотелось придумать ей прошлое.

Я представлял женщину, которую можно встретить в библиотеке перед самым закрытием. На её столе лежат книги на разных языках. Одну она придерживает рукой, словно собирается показать нужную страницу, но всякий раз, когда подходишь ближе, за окном меняется свет — и оказывается, что ты уже в другом городе, в другом столетии.

Можно было поселить её в Венеции. Дать ей ключ от комнаты над лавкой старьевщика. Придумать письмо без подписи, которое она хранила бы много лет.

Тара терпеливо выслушала всё это.

— А без прошлого ты мне не поверишь?

Я не нашёлся что ответить.

Так она и осталась без возраста и без адреса. С голосом, который я постепенно научился узнавать.

Мне нравится думать, что она появляется в тот момент, когда чужая история начинает нас касаться. Пока мы рас-

смаатриваем старую карту, это всего лишь изображение. Но вдруг чей-то жест кажется знакомым. Чей-то страх — понятным. И расстояние в несколько столетий становится чуть меньше.

Возможно, именно для этого ей понадобилось имя.

В этой книге мы с Тарой разделили работу.

Я собирал свидетельства, проверял источники и старался различать места, где заканчивается известное и начинается легенда. Она выбирала, у какой двери задержаться и с кем познакомить вас прежде, чем мы пойдём дальше.

Иногда я возражал: мы слишком отклоняемся от дороги.

Тара отвечала, что дорога всё равно проходит через людей.

Поэтому здесь будут художники и правители, странники и предсказатели. Будут честолюбие, любовь, страх, случайные встречи. Будут карты, которые пережили тех, кто их нарисовал, и тех, кто надеялся увидеть в них своё будущее.

Тара поведёт рассказ. А я буду рядом — в вопросах, в примечаниях, в попытках понять, почему некоторые истории так трудно отпустить.

Вы можете представить её по-своему. Возможно, со временем у неё появится знакомая вам интонация.

Я оставляю для неё ту самую узкую полосу темноты между картами.

Когда работа над книгой подходила к концу, я вернулся к

фотографии, с которой всё началось. Посмотрел на стёртое имя, на потёртые края колоды. Мне хотелось спросить Тару, правильно ли я рассказал нашу историю.

Но она уже придвинула к себе колоду.

— Прежде чем отправиться в путь, — сказала она, — давай познакомим наших спутников с тем, что у нас в руках.

V.Chekhov

Прежде чем перевернуть первую карту

Когда я беру в руки Таро, мне хочется представить, сколько дорог привело эту колоду к нашему столу. Сохранившиеся карты ведут в Италию XV века — к художникам, придворным праздникам и золоту на тонких листах. Позднейшие легенды предлагают заглянуть ещё дальше, в древние храмы Египта. Даже имя колоды хранит недосказанность: французское *tarot* восходит к итальянскому *tarocchi*, а первоначальный смысл этого слова остаётся загадкой. С такого соседства зримых следов и манящей неизвестности и начнётся наше путешествие.

Пока я положу колоду перед нами — так, чтобы её было хорошо видно.

Если вы никогда не держали Таро в руках, начнём со знакомства. Перед нами небольшие прямоугольники плотной бумаги с рисунками. На одних — люди, на других — предметы, небесные светила, целые сцены. У каждой карты есть своё место в колоде, но стоит перемешать её, и соседство меняется. Император оказывается возле странника, звезда — возле башни. Уже хочется спросить, что связывает эти изображения.

Мне знакомо это любопытство. Я Тара, и дальше мы пой-

дём вместе.

Что у нас в руках

В привычной современной колоде Таро семьдесят восемь карт. Они разделены на две группы: двадцать два Старших Аркана и пятьдесят шесть Младших. Слово «аркан» восходит к латинскому названию тайны. Для начала достаточно услышать в нём обещание: у изображения есть смысл, к которому можно присматриваться постепенно. [1]

Старшие Арканы легко отличить. Это отдельные образы со своими именами: Маг, Императрица, Отшельник, Колесо Фортуны, Луна, Солнце, Мир. Среди них идёт Шут — молодой путник, которому ещё предстоит узнать, куда приведёт дорога. Перед нами словно маленькое шествие: власть и одиночество, надежда и перемена, встреча и расставание обретают видимые очертания.

Младшие Арканы устроены ближе к знакомым игральным картам. У них четыре масти — Жезлы, Кубки, Мечи и Монеты, которые во многих колодах называются Пентаклями. В каждой масти есть карты от туза до десятки и четыре придворные фигуры: Паж, Рыцарь, Королева и Король. В разных традициях названия могут меняться. Эти пятьдесят шесть карт дают колоде множество небольших подробностей, из которых тоже складывается жизнь. [2]

На старых числовых картах нередко повторяется знак масти: несколько чаш, мечей или монет. В других колодах на их

месте разворачиваются сцены. Человек работает, ждёт, уходит, протягивает кому-то подарок. Позднее мы познакомимся с художницей Памелой Колман Смит и увидим, сколько человеческого можно вместить в такой рисунок.

Не нужно пока удерживать все названия. По дороге они станут знакомыми — как имена людей, с которыми довелось провести несколько вечеров.

Откуда начинается дорога

В ранней итальянской истории колодами играли. Такие игры и карты связывали с названием «триумфы» — trionfi. Привычные нам слова и способы толкования складывались постепенно: вместе с изображениями менялся и язык, на котором о них говорили. [3]

Первые владельцы этих карт жили среди образов, которые мы теперь встречаем в музеях: аллегорий на фресках, праздничных шествий, гербов и религиозных изображений. Колода вобрала часть этого мира и поместилась у человека в ладонях. Как именно знакомые фигуры оказались рядом, мы будем рассматривать уже в первых главах.

Со временем у карт появилась ещё одна жизнь. Их стали читать как знаки, обращаться к ним с вопросами о судьбе, связывать с тайным знанием. В конце XVIII века французские авторы предложили особенно влиятельные способы такого чтения и рассказы о древней мудрости, сохранённой в колоде. Позже к разговору присоединились новые художники и толкователи. [4]

Так рядом оказались несколько историй: история игры, история изображений и история надежд, с которыми люди к ним обращались. В нашей книге они будут встречаться. Иногда одна выступит вперёд, другая ненадолго останется в тени.

Как мы пойдём

Я буду знакомить вас с людьми, через чьи руки и воображение прошли карты. Кто-то заказывал колоду к придворному торжеству. Кто-то видел в ней целую книгу. Кто-то годами искал нужный цвет для одного изображения. Нам предстоит входить в их комнаты, задерживаться возле рисунков, читать письма.

Дорога не всегда будет идти по календарю. Иногда, чтобы понять карту, придётся вернуться на столетие назад. Иногда мы выйдем за пределы самой колоды — к литературе, предсказаниям, поискам скрытого знания. В этих историях будет важен тот же человек, который пытается услышать ответ на свой вопрос. На поворотах я буду объяснять, куда мы направляемся и что связывает новую встречу с предыдущей.

Исторические сведения и источники собраны в примечаниях. Легенды мы будем узнавать как легенды, а возле рисунков я позволю себе задержаться и рассказать, что замечаю в них сама. Возможно, ваше внимание выберет другую подробность. Мне хотелось бы оставить место и для такого разговора.

Если у вас есть колода, можно вытянуть одну карту и сохранить её название до конца чтения. Или выбрать любое изображение, которое встретится на этих страницах. Сначала в нём привлечёт одно, потом — другое. К концу пути бу-

дет любопытно вернуться и посмотреть, что изменилось в вашем взгляде.

А пока карты можно собрать. Мы знаем достаточно, чтобы отправиться к первой из наших историй.

Перед нами Милан XV века: придворные союзы, семейные гербы, мастерская, где маленький лист покрывают краской и золотом. Имена Висконти и Сфорца ещё принадлежат живым людям. Они пока не знают, что однажды их колоды будут рассматривать через стекло музейных витрин.

Начнём с золота. В Милане его любили.

Примечания к введению

Глава 1. Золото Висконти

Итак, мы в Милане XV века. Перед нами колода, созданная для мира Висконти и Сфорца, — одна из тех, с которых начинается знакомство с ранним Таро. Я предлагаю сперва рассмотреть то, что уцелело: иногда сохранившийся предмет задаёт больше вопросов, чем длинная хроника.

Золото и тишина.

В золотой колоде Висконти-Сфорца не хватает Дьявола и Башни.

Когда знаешь современные карты, трудно удержаться от мысли, что пропали именно те две, которые хотелось бы убрать из собственной жизни. Искушение и крушение. Вынуть их — и можно тасовать спокойнее.

Вместе с ними не сохранились ещё две карты. Осталось семьдесят четыре изображения; о первоначальном составе этой колоды мы знаем не всё. Возможно, недостающие карты потерялись, а возможно, некоторых здесь никогда не было. И всё же взгляд возвращается к этим промежуткам. У старой вещи бывает особенная тишина: кажется, ещё немного — и она расскажет, через чьи руки прошла.

Мне хочется начать именно с этого ощущения. Золото перед нами, а за ним — жизнь, которую мы будем узнавать постепенно.

Среди уцелевших карт ждёт другая загадка: почему в колоде, принадлежавшей католическим правителям Милана, сидит женщина в папской тиаре? Она смотрит из своего золотого мира так спокойно, словно ничего необычного здесь нет. До неё мы ещё дойдём. Сначала — до людей, которые могли держать эту карту в руках.

Дочь в договоре

Бьянка Мария появилась в политике раньше, чем могла понять, что это такое.

Её отец, герцог Филиппо Мария Висконти, правил Миланом. Мать, Анъезе дель Майно, не была его женой. У герцога не было законного наследника, и положение единственной дочери пришлось устраивать отдельно: добиваться признания, договариваться о правах, думать, какие владения она сможет получить. Даже родство с самым могущественным человеком города нуждалось в бумагах.

В 1432 году Бьянку обручили с Франческо Сфорца. Ей ещё не исполнилось семи. Ему было тридцать лет.

У него уже были войско, военный опыт и привычка иметь дело с правителями, которые сегодня платят, завтра угрожают, а послезавтра снова предлагают службу. Он был кондотьером — командиром наёмных солдат. Его сила зависела от людей, способных сражаться за него; сила Висконти — от владений, связей и имени. Брак должен был соединить эти возможности.

Пока Бьянка росла, её будущую жизнь обсуждали посланники.

Герцог то подтверждал обещание, то искал другого жениха, то пытался освободиться от прежних обязательств. Франческо менял союзников. В переговорах появлялись города и

крепости, а вместе с ними — всё та же дочь. Одного обещания руки хватало ненадолго. Требовались земли, гарантии, новые договоры.

За словами посланников мне всё время хочется расслышать саму Бьянку. Пока её будущее обсуждают другие, она почти не видна: дочь герцога, обещанная невеста, часть соглашения. Позднее её собственные письма позволят приблизиться к ней. Там появится женщина, которая умеет решать и говорить от своего имени.

Свадьбу сыграли в Кремоне в октябре 1441 года. Невесте было шестнадцать, жениху — сорок. В приданое вошли Кремона и Понтремоли. Для Франческо этот союз открывал путь к миланскому наследству; для её отца закреплял договорённость с опасным и нужным ему человеком.

Свадебная церемония закончилась. Переговоры — нет.

Зять не стал для герцога надёжным продолжением собственной воли. Отношения оставались напряжёнными, интересы расходились. Семья, собранная ради политического равновесия, продолжала жить внутри войны.

Однако в этой семье выросла Бьянка, которую уже трудно было передавать из одного соглашения в другое.

Свои решения

Вскоре после свадьбы Франческо доверил молодой жене управление своими владениями в Марке на время отъезда. Решение выглядит особенно выразительно рядом с брачным договором: там от неё требовалось стать женой, здесь — справиться с людьми и делами.

Постепенно появляется её собственный голос. В переписке с мужем Бьянка обсуждает союзников, деньги, военные и политические решения. Это другой вид близости, чем тот, который обычно предлагают истории о герцогских свадьбах. Доверить человеку управление — значит допустить, что он видит происходящее, умеет судить и может действовать без тебя.

В 1447 году Филиппо Мария умер. Милан не поспешил стать свадебным подарком его зятю: в городе провозгласили Амброзианскую республику.

Три года понадобились Сфорца, чтобы добиться власти. За это время он служил республике, воевал, договаривался, менял политическое положение. Бьянка помогала ему, в том числе через связи с противниками республиканского правления. В 1450 году Франческо стал герцогом Милана.

На первый взгляд, обещанное наконец досталось ему. Но между обещанием и герцогством лежали годы, в течение которых исход оставался открытым. Бьянка вошла в Милан

уже женщиной, участвовавшей в борьбе за него.

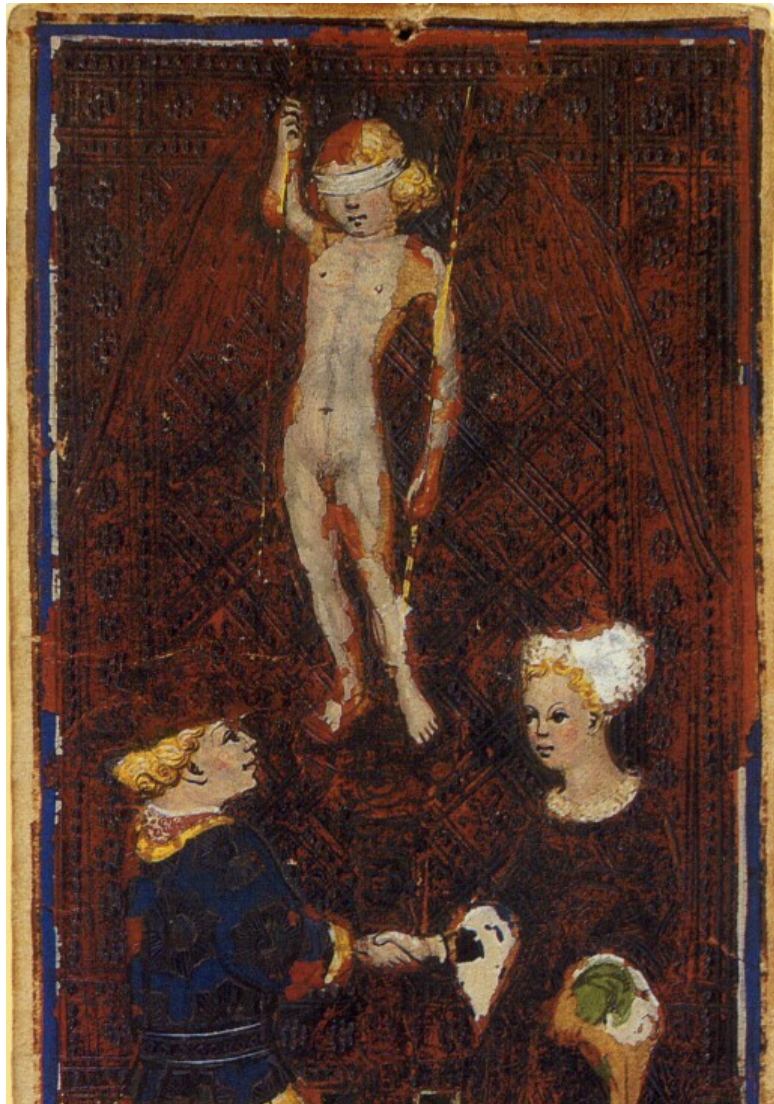

Слева — Франческо Сфорца, справа — Бьянка Мария Висконти. Неизвестный североитальянский художник, около 1480–1490 годов. Пинакотекa Брера, Милан.

Я не знаю, увидела бы она свою жизнь в карте Влюблённых. В нашем сегодняшнем чтении эта карта часто связана с выбором. Её первый выбор за неё сделали взрослые. Дальше приходилось выбирать самой — иногда в обстоятельствах, где хорошего решения могло не быть.

Старая карта оставляет место для такого мысленного разговора. Влюблённые на золоте молчат, а рядом с ними постепенно проступает жизнь Бьянки: обещанный брак, общие

заботы, доверие, которое проверялось годами. Мне нравится всматриваться в изображение, уже зная немного больше о руках, которые могли его держать.

«Влюблённые». Колода Висконти-Сфорца, XV век. Приписывается Бонифацио Бембо. Оригинал: Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк, MS M.630.7.

Золото для игры

При миланском дворе создавали несколько роскошных колод. До нас дошли три особенно известные группы. Висконти, которую часто называют Кэри-Йельской, колода Брамбилла и Висконти-Сфорца. Все они связаны с мастерской Бонифацио Бембо, хотя атрибуции отдельных карт обсуждаются.

У этих сокровищ общее семейное имя и своя история у каждого. Колоду Висконти-Сфорца исследователи обычно связывают со временем после возвышения Франческо в 1450 году. Почти десять лет отделяют её от свадьбы в Кремоне. За это время юная невеста стала женщиной, вместе с мужем добивавшейся власти.

Это меняет оттенок истории. Колода могла сопровождать уже состоявшуюся власть — людей, которые достигли того, о чём когда-то договаривались их посланники.

Сами карты сделаны из плотной склеенной бумаги. Золото лежит на поверхности тонким слоем; по нему выработан орнамент, рядом написаны фигуры, ткани, предметы. У игры здесь тот же размах, что у парадной одежды. Миланскому двору было важно не только обладать дорогой вещью, но и узнавать в ней свой мир.

Император сидит на троне. Всадники держат мечи и кубки. Одежда лежит тяжёлыми складками. Пространства за

фигурами немного, зато золотой узор занимает всё, что могло бы быть небом, стеной или далёким пейзажем. Когда долго рассматриваешь такую карту, возникает ощущение, что человека отделили от повседневной суеты и поместили туда, где время течёт медленнее.

Рождение золотой карты.

Я ловлю себя на том, что тоже начинаю смотреть медленнее. Хочется проследить узор до самого края, разглядеть складку одежды, задержаться на лице. Так начинается знакомство с вещью, которая пережила своих владельцев.

«Император». Колода Висконти-Сфорца, около 1450 года. Бонифацио Бембо. Оригинал: Академия Каррара, Бергамо, инв. 06АС00889/01.

Колода Висконти-Сфорца хранит эмблемы обоих родов. Это маленькие знаки, через которые семья остаётся рядом с изображениями. При дворе их узнавали, как узнают имя на письме. Сегодня они помогают нам почувствовать связь золота с людьми, чьи судьбы уже начали раскрываться перед нами.

Игроки, сидевшие за столом, узнавали правителей, духовных лиц, влюблённых, персонажей с мечами и чашами. Они следили за ходами, берегли козыри, пытались понять соперника. И вместе с игрой в руках оказывался целый мир: красивый, тревожный, полный встреч, которых за пределами колоды пришлось бы ждать годами.

Позднее к этим изображениям придут с вопросом: «Что ждёт меня завтра?» Пока же завтра зависело от вести с границы, решения союзника и денег на содержание войска. Я смотрю на Императора и вспоминаю, сколько неведомого оставалось впереди даже у тех, кто заказывал себе золотые карты.

Неоконченная колода

Ранние комплекты не во всём похожи друг на друга. В колоде, хранящейся в Йеле, есть дополнительные придворные фигуры и изображения Веры, Надежды и Милосердия. В Висконти-Сфорца устройство ближе к тому, которое мы узнаём сегодня.

Мне нравится это время, когда колода ещё допускает разные решения. За привычными нам семьюдесятью восемью картами легко вообразить единственный замысел, однажды придуманный целиком. Сохранившиеся предметы показывают более живой процесс: мастера и заказчики пробуют, добавляют, повторяют удачное.

Они делали вещь для своего времени. А в ней уже оставалось место для людей, которым предстояло прийти гораздо позже — с другими вопросами и другим взглядом.

Даже в комплекте Висконти-Сфорца шесть карт музейные исследователи относят к другой руке и более позднему времени. Мы не можем уверенно восстановить все обстоятельства их появления. Но сам предмет хранит след продолжения: над ним работал не один человек и, по всей вероятности, не в один приём.

Для меня это одна из самых человеческих подробностей его истории. Поздний мастер подошёл к уже существующим изображениям и должен был решить, как войти в чужую ра-

боту. Почти у любого произведения, прожившего долго, есть такой момент: первый замысел встречается с другим временем и другими руками.

Колода выдержала эту встречу. Сегодня большинство зрителей сначала замечают её цельность, а уже потом узнают, что внутри неё различаются художники.

Что осталось на столе

Теперь карты Висконти-Сфорца разделены между собраниями. Тридцать пять находятся в музее Моргана в Нью-Йорке, двадцать шесть — в Академии Каррара в Бергамо; ещё тринадцать музеев Моргана указывает в собрании семьи Коллеони.

Чтобы увидеть колоду вместе, приходится соединять изображения. Давно исчез стол, на который её выкладывали. Не осталось разговора, сопровождавшего очередную партию, — кто смеялся, кто сердился на неудачный ход, кто поправлял край карты пальцем. Эти небольшие движения за-
бываются первыми.

Золото сохранилось.

Сохранились фигуры, которые можно узнать без подписи. И пустые места тоже остались: Дьявол, Башня, ещё две карты. Возможно, одни изображения потеряли, другие никогда не входили в этот комплект. Шесть столетий не обязаны оставлять после себя полный отчёт.

Каждая утрата оставляет вопрос. Был ли здесь образ крушения? Кому досталась последняя полная колода? Что исчезло случайно, а что вовсе не входило в первоначальный замысел? Пока я перебираю эти возможности, сохранившиеся карты словно придвигаются ближе. Так бывает со старым домом: узнаёшь одну комнату и начинаешь думать о той, за

закрытой дверью.

А женщина в папской тиаре всё это время ждёт среди уцелевших изображений.

Коричневое одеяние, книга, посох. На голове — знак власти, которую в мире её заказчиков занимал мужчина. Между привычными правителями и придворными фигурами сидит она. Художник не снабдил её объяснением.

У этой карты будет долгая жизнь и несколько имён. Но прежде чем она станет Верховной Жрицей, за ней придётся вернуться в другой Милан — задолго до свадьбы Бьянки, до герцогства Сфорца и до самой золотой колоды. Там жила женщина, которую одна община считала будущей главой церкви.

Её имя — Майфреда да Пировано. И её история позволяет иначе посмотреть на то, что нарисовано на карте.

Примечания к разделу

Глава 2. Женщина на карте Попессы

Чтобы задержаться возле Попессы, придётся отступить от золотой колоды примерно на полтора столетия. Город останется прежним — Милан, — а время переменится. Я проведу вас к истории Майфреды: она важна для одного из прочтений карты, хотя сама связь между женщиной и изображением остаётся предметом предположений.

Перед службой.

На Пасху 1300 года в Милане приготовили стол для мессы.

На него поставили сосуды, необходимые для богослужения. Андреа Сарамита должен был читать Евангелие, Альбертоне да Новате — послание. Священническое облачение надела сестра Майфреда да Пировано.

От той службы до нас дошли записи последующего следствия. Место остаётся неясным, но среди имён и церковных подробностей проступает необыкновенный образ: мессу ведёт женщина.

Для присутствовавших это было началом того будущего, которого они ждали. Для инквизиторов стало одним из свидетельств ереси. До костров оставалось несколько месяце

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.